

Белая рубашка, брюки цвета хаки.

Белая рубашка — простая, чистая, невинная, на первый взгляд лишенная каких-либо желаний. Однако на плече проступал крупный узор темной вышивки, а верхняя пуговица была расстегнута, открывая шею — зону абсолютной власти. Выше — роковой кадык, символ дикого зверя; ниже — нечто невыразимое, чистая, неприкрытая похоть.

Именно то ощущение, что бывает от умелого соблазнителя, от одинокого рыбака в лодке посреди безбрежных вод.

В остальном особой подготовки не потребовалось: в конце концов, с таким лицом жизнь двойника не могла быть слишком тяжелой.

Перед уходом Бай Тун специально переобулся в кроссовки с потайным каблучком. Он выглядел как юный, сияющий, наивный старшеклассник, который при приближении мог идеально уткнуться в грудь другому человеку — в ту самую запретную зону.

Перед выходом он столкнулся с Пэн Фанем, и того обдало сладким молочным ароматом.

Пэн Фань некоторое время задумчиво смотрел вслед Бай Туну, взгляд его зацепился за узкую полоску талии, туго затянутую заправленной рубашкой.

До чего же тонкая талия.

И ноги длинные.

Пэн Фань окинул Бай Туна оценивающим взглядом, и на душе у него стало беспокойно.

Тц.

Нарядился в соответствии с его вкусами.

И что теперь с этим делать?

.

В три часа дня Се Минчжу, проведший в делах весь день, заранее прибыл в сад.

По пути он то и дело поглядывал на часы, чувствуя раздражение и тревогу.

Друзья знали, что Се Минчжу ищет двойника, и звонили ему в самый неподходящий момент, пытаясь вразумить, чтобы тот не позволил себя обмануть — ни деньгами, ни чувствами.

— Ты в порядке? Серьезно? Ты столько лет вращался в высшем обществе, неужели растерял весь здравый смысл?

Се Минчжу сидел на скамье, на коленях у него лежала книга, содержание которой было скрыто от посторонних глаз. Он закрыл книгу и ответил другу:

— Он слишком долго был за границей, я скоро забуду, как он выглядит.

Друг осекся.

Се Минчжу вырос в кошмарных условиях, он привык к грязи и низости, и никогда не строил из себя святошу. Но стоило ему впервые увидеть лицо Бай Туна, как его давно замершее сердце словно наполнилось раскаленной лавой. Среди холодной весенней изморози внезапно наступило лето.

Душное, влажное, распирающее изнутри.

Словно тесто, бродящее в замкнутом пространстве.

Придя на место, Се Минчжу не решился подойти сразу. Он спрятался на скамейке в саду, держа в пальцах сигарету и задумчиво вращая её.

Се Фусюэ прислал ему сообщение, написав, что за границей у него всё хорошо, и приложил фотографию, на которой кормит бездомную собаку у дороги.

На снимке была видна лишь кисть руки и край рукава с изысканной запонкой в форме таинственной шестиконечной звезды.

Он закрыл фото и пробормотал другу:

— Я очень по нему скучаю.

Друг не нашел слов. Он прекрасно понимал мысли Се Минчжу, его юношеские, невыносимые воспоминания, растворенные в тяжелом алкогольном дурмане.

После долгих лет безответной любви, в один прекрасный день возлюбленные стали просто братьями.

Друг подколот его:

— Смотри, не заиграйся в эту игру, чтобы в итоге самому не сломаться об него.

Се Минчжу всё прекрасно понимал, пальцами поглаживая брелок на телефоне.

— Невозможно! Мне просто нравится его лицо, разве может кто-то подобный сравниться с Се Фусюэ?

Друг хмыкнул:

— Флаг тебе в руки, говорят, таким, как ты, за это всегда прилетает по лицу.

— Пф. — Се Минчжу рассмеялся, расправляя брови. — Невозможно. Всё, отключаюсь.

Се Минчжу сверился со временем и направился к месту встречи.

Они выбрали это место, потому что до отъезда Се Фусюэ за границу они приходили сюда вдвоем.

Тогда была зима, в розовом саду лишь кое-где цвели редкие, привезенные из-за рубежа сорта, а большинство растений спали, как и его любовь, которую он не успел высказать и которая скрылась в промерзшей земле. Весна так и не пришла, и он проводил Се Фусюэ, неся в сердце это сожаление. Се Минчжу думал: если бы он тогда признался, всё могло сложиться иначе?

Воспоминания о прошлом стирались, как и ответы в анкете, которую заполнял Бай Тун — в основном, сплошное «не помню». Но день отъезда Се Фусюэ был выжжен в памяти, словно новая картина.

Назначенное время вышло, секундная стрелка тикала, унося мгновения прочь, и беспокойство в груди Се Минчжу росло.

Хотя в тот день Се Минчжу хотел лишь уговорить Се Фусюэ не уезжать.

Се Минчжу подавил гнев, но, прождав пять минут, понял, что его водят за нос!

Он с такой силой сжал телефон, что, казалось, вот-вот раздавит его.

— Ты опаздываешь. — Се Минчжу открыл мессенджер, собираясь позвонить Бай Туну, но увидел сообщение, отправленное пять минут назад.

Начали.

Начали?

Се Минчжу обдумывал смысл этих слов. Пять минут назад Бай Тун написал, что работа двойника началась, значит, он следит за временем и не ссылаясь на пробки или опоздания.

Значит... он сделал это специально?

Се Минчжу с раздражением уставился в экран, как вдруг заметил у входа приметное лицо.

Это было лицо семнадцати-восемнадцатилетнего Се Фусюэ. Из-за быстрого бега его губы слегка приоткрылись, а щеки от прилива крови стали ярко-розовыми.

Стоило ему заметить Се Минчжу, как уголки губ поползли вверх, а холодные, лучезарные глаза изогнулись дугой — казалось, в их темных, сияющих глубинах отражался только он один.

По мере того как он приближался, на рубашке становились видны переливы узора, нежно обнимающего тонкую шею и белую кожу.

Видимо, ему было жарко: он пальцами ослабил воротник, а на открывшемся краю рукава поблескивала крошечная запонка в виде цветка гортензии.

На мгновение Се Минчжу показалось, что перед ним стоит настоящий Се Фусюэ.

— Извини, заставил тебя ждать? — с улыбкой спросил Бай Тун, сложив руки в жесте мольбы. — У дороги была собака, такая жалкая, я сделал крюк до супермаркета за кормом и немного задержался. Ты ведь такой добрый, не будешь на меня сердиться?

Се Минчжу не мог вымолвить ни слова, словно его осыпали градом ударов, от которых он безвольно осел на мягкую вату.

Он начал терять связь с реальностью.

Се Минчжу вспомнил, что Се Фусюэ постоянно опаздывал, ведь его доброе сердце всегда заставляло его помогать старушкам переходить дорогу или гладить уличных кошек и собак.

Человек, который секунду назад кормил бездомного пса, сейчас стоял перед ним, но Се Минчжу отчетливо осознавал: это Бай Тун.

Се Минчжу застыл, хмурая складка между бровями никак не разглаживалась:

— Не сержусь. Пойдем.

— Правда? — Бай Тун повернул голову, глядя на Се Минчжу. — Тогда почему ты так сильно хмуришься? Я правда всё осознал, клянусь!

Он картинно поднял три пальца.

— В следующий раз я прибегу к тебе со всех ног.

Се Минчжу на мгновение замешкал. Переплетающиеся образы слились в один, вызывая легкую, щемящую тоску.

<http://bllate.org/book/21952/2280870>